

К полевой пернатой дичи курцхаар Нора особого азарта не проявляла, так, с ленцой исполняла то, что от неё требовали во время дрессуры. Вот отец и решил выставить её на испытания по кровавому следу. У людей, перенёсших инфаркт миокарда, есть обычай переоценивать свои силы – через пару километров отцу стало плохо с сердцем. Много чего можно было сказать нелицеприятного о Норе, но вот душой она не была – как только хозяин принял нитроглицерин, и его немного отпустило, она развернулась и потащила отца к старту (до него было ближе). Конечно, её сняли с трассы: раз собака потеряла след – значит, не выдержала испытание!

Папа был искренне расстроен – по его вине Нора не справилась с заданием. Он тут же пошёл к ближайшему егерю, специалисту по кабану. Вольер представлял собой огороженное сеткой-рабицей пространство где-то в пятнадцать соток с редкими деревьями. Поверх забора был положен настил из досок с перилами, метрах в двух от земли, по которому можно было обойти вольер по периметру, с безопасного расстояния наблюдая, как кабан расправляется с собаками.

С охотоведом, отвечающим за испытание по кабану, удалось договориться без особых проблем, – пять литров медицинского спирта – и вольер со свинтусом в нашем распоряжении: «Травите зверя хоть до темна!» Учитывая, что было около двух часов дня, предложение выглядело щедрым, под стать подношению.

По скрипучей деревянной лесенке мы с собакой и егерем взобрались на помост вольера. Мне показали на мостки – две узкие доски, сшитые вместе и скреплённые несколькими перекладинами-ступеньками. Судья, он же охотовед, провёл краткий ликбез, просто-таки лучась удовольствием:

– Слезаясь с собакой, вон по этим жёрдочкам, держа её на коротком поводке, – вещал он, – подводишь к кабану, командуешь, спускаешь с

карабина, подбадриваешь собаку. Если что пойдёт не так – на сетку не лезь, всё равно не получится. Беги к мосткам, они для кабана тонкие, он по ним вверх не влезет!

И ехидно мне подмигнул. «Что-то он излишне веселится», – подумалось мне. Отец был всё ещё бледен после приступа, хотя живости не потерял и норовил сам отправиться на испытание. Я вздохнул, поддёргнул за поводок собаку поближе и потащил её вниз. Мы сползли на землю, обречённо переглянулись и, под громкие советы и наставления отца и подхохотывание егеря, начали красться к кабану.

Тот стоял посреди вольера и смачно чесал спину и правый бок о ствол осинки, так, что деревце изрядно подрагивало. К нам он был повернут задницей, вёл себя более-менее смирно. Самое время было на него науськать Нору. Получив разрешение егеря, я снял собаку с поводка и тихо скомандовал:

– Возьми! – махнув рукой в сторону свинтуса. Нора посмотрела оценивающе на тушу, сотрясающую почёсыванием ствол тридцатисантиметрового диаметра, оглянулась на отца (он стоял, прихлёбывая чай из эмалированной кружки и поощрительно кивая нам головой). Потом выразила мне взглядом всю свою преданность... Я подтолкнул её к кабану коленом и поторопил:

– Куси его!

Щетинистый монстр всхрипнул – посторонние звуки мешали ему наслаждаться гигиенической процедурой. Я отвлёкся, чтобы убедиться, что он не поменял своего положения в пространстве. Через штанину джинсов вдруг ощутил колебание воздуха. Когда собаке необходимо, она умеет очень быстро бегать: Нора уже миновала мостки, встала на помосте перед отцом и начала показывать, как она отчаянно и бесстрашно его защищает от злого и страшного зверя. Она щёлкала зубами, рычала, лаяла, опять утробно взрывалась рыком. В общем, всему свету было видно и слышно, какая она грозная, там, в двух метрах над землёй и в полусотне от дикой свиньи. Егерь хохотал до слёз, а я несколько обиделся на мою суку за столь неспортивное поведение: меня-то она внизу забыла...

В спину ткнулось что-то тарелкообразное. Резко развернувшись, убедился, что скопировать здравомыслящий поступок собаки не удастся. Кабан-пятiletок был ростом мне по подбородок – по крайней мере его острый хребет. Огромный не пятак – пятак, с дырками носовых ходов, розовел перед моей грудью, большущая голова с жёлто-коричневыми от осинового коры клыками, маленькие чёрные свиные глазки, где-то внизу острые немаленькие копытца. Он стоял спокойно, но «с претензией».

Я нервно обернулся к егерю – на того надежды было мало. Он с удовольствием вытирал кулаком слёзы, выступившие от хохота. Посмотрел на отца... Нора продолжала поносить хряка на собачьем языке всемерно и самозабвенно, но от ноги папы не отлипала.

– Ну, и что мне делать? – поинтересовался я. Папа экспрессивно помахал кружкой, расплёскивая чай, и предположил:

– Собака не понимает, что тебе грозит опасность. Прояви к кабану агрессию!

Егерь сполз на мостки, подвывая и взвизгивая, это уже была истерика, он перекатывался по мосткам, со всхлипом пытаясь втянуть воздух, и снова истерически постанывал – на хохот сил у него уже не осталось. Я снова повернулся к хряку. Тот так же внимательно продолжал на меня пялиться. Вдруг

его пятак резко опустил вниз и начал усиленно прижиматься к моему правому ботинку. Чуюк подвинувшись ко мне, он наклонил голову и с завидным упорством начал сдирать ботинок с моей ноги. Слава Богу, ступня стояла в одной из ямок, которыми щедро был изрыт этот участок вольера. Свинтусу очень неудобно было ухватывать носок ботинка, но он не терял надежды обрести столь родной запах в собственное безраздельное пользование.

Левую ногу я судорожно отставил подальше назад, а правую вдавливал в землю изо всех сил – мне очень не хотелось отдавать ботинок. Эту пару обуви (армейские боты) мне привезли в подарок из ГДР, они пользовались изрядной популярностью: друзья выпрашивали их поносить на несколько денёчков. Мама специально перед поездкой наканифолила их свиным растопленным салом – чтобы «не скрипели, распугивая дичь, и не промокали». Отдавать культовый прикид дикому зверю не имело смысла: он бы не смог справиться со шнуровкой; я бы не смог с ней быстро управиться тоже. Надежды на стоящих на мостках не было: егерю явно поплохело – он лежал навзничь, слегка постанывая и взбрыкивая ногами; отец, расплескав весь чай, добавлял новую порцию из термоса; собака неустанно облаивала нас с хряком – прямо вылитая гончая... Вломил бы ей по мягкому месту, да свин не пускает.

Вот тут меня и настигло состояние бесшабашного веселья и неопикуемой храбрости. Я, стоя в раскоряку, один на один с матёрым секачом, начал тоже смеяться. Хохотал над ситуацией, над собой, чаем, снова выплёскиваемым щедрой рукой отца в порыве азарта, неадекватным егерем, кабаном-каннибалом.

Нора перестала лаять, щетинистое отродье отстало от моего ботинка и подняло морду вверх, даже егерь перестал поскуливать. Я упёрся в острый хребет свина и попытался сдвинуть его с места – не получилось... Он только недоумённо покосился на меня. Тогда я совершил, наверно, один из самых безумных поступков в своей жизни – отведённой назад левой ногой с размаха заехал ему по упругому боку с криком:

– Пошёл домой!!!

Свин послушно развернулся и потрусил к обгрызенной осинке. Я, гордо выпрямив спину и повернувшись тылом к любителю немецкого обувного производства, пошёл к мосткам, краем глаза кося на происходящее сзади. Егерь уже немного пришёл во вменяемое состояние, по крайней мере – предпринял попытку занять вертикальное положение. Забравшись на чуть подрагивающих ногах по мосткам на галерею, я был встречен упрёком отца, который проявлял недовольство происходящим и требовал, чтобы я снова стащил собаку вниз, – в этот раз у неё всё получится. Нора стояла за ним, сооротив умильную морду.

Категорически отказался лезть в вольер к дикому лесному гиганту, пусть себе осину трескает. Подошедший егерь поперхнулся:

– Подожди, парень, так ты что, не знал?..

Я недоумённо посмотрел на его красное от смеха лицо:

– О чём вы, уважаемый?

Егерь долго вглядывался, ища какой-то подвох, затем резко посерьёзnel и объяснил:

– Этого кабана полосатым подсвинком нашли возле убитой браконьерами свиньи. Его отдали в соседний пионерский лагерь; до сих пор боится швабры. Выращенный людьми, он их как опасность не воспринимает, вот собак – дерёт,

они его много раз обижали... А ты, значит, к дикому кабану в вольер полез? Ну, ты, юноша, или самый храбрый человек на моей памяти, или самый глупый...

Мне в то время казалось, что вторая характеристика как-то ближе отражала моё тогдашнее поведение, да и сейчас я недалеко ушёл от того мнения.

Нора диплом по зверю так и не получила. А на правом ботинке остались следы от кабаньих клыков – несколько неровных полос на коже, почти незаметных, особенно если сначала пройтись коричневым кремом для обуви, а потом растопленным свиным салом, чтобы не скрипели и не пропускали воду...

